

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.28>

Тыжов Андрей Яковлевич

"Неопределимая предопределенность" стоиков как звено в цепи причинно-следственных связей во "Всеобщей истории" Полибия

Статья выполнена на основании исследований автора отдельных вопросов стоической философии и творчества греческого историка второго века до н.э. Полибия из Мегалополя, автора "Всеобщей истории" в сорока книгах, охватывающей период греко-римской истории 222-146 гг. до н.э. Целью работы является установление степени зависимости Полибия как от народных религиозных представлений, так и стоического учения в сфере применения иррационального понятия *Tuche*, которое автор статьи определяет применительно к сочинению Полибия как "неопределимую предопределенность". В результате доказывається, что высока вероятность влияния на Полибия народных религиозных представлений по причине незначительности роли *Tuche* у стоиков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 136-141. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1.122

Дата поступления рукописи: 14.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.28>

*Статья выполнена на основании исследований автора отдельных вопросов стоической философии и творчества греческого историка второго века до н.э. Полибия из Мегалополя, автора «Всеобщей истории» в со- рока книгах, охватывающей период греко-римской истории 222-146 гг. до н.э. Целью работы является уста- новление степени зависимости Полибия как от народных религиозных представлений, так и стоического учения в сфере применения иррационального понятия *Tuche*, которое автор статьи определяет примени- тельно к сочинению Полибия как «неопределимую предопределенность». В результате доказывається, что высока вероятность влияния на Полибия народных религиозных представлений по причине незначи- тельности роли *Tuche* у стоиков.*

Ключевые слова и фразы: Полибий; «Всеобщая история»; причинно-следственные связи; «неопределимая предопределенность»; случайность и закономерность исторических событий; судьба-случай.

Тыжов Андрей Яковлевич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
firenze1449@yandex.ru

«Неопределимая предопределенность» стоиков как звено в цепи причинно-следственных связей во «Всеобщей истории» Полибия

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-01-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемиического дискурса».

Целью данной работы является рассмотрение использования Полибием в своей «Всеобщей истории» понятия «неопределимой предопределенности», которое исследователи творчества Полибия, начиная с середины XIX века, относили к разряду заимствования историком термина из арсенала стоической философии. Непосредственной **задачей** является доказательство несостоятельности этого взгляда как на материале текстов, относящихся к стоической школе, так и на материале текста самого Полибия. **Научная новизна** данного исследования заключается в признании в качестве непосредственного источника Полибия, из которого он заимствовал представление о «неопределимой предопределенности» современных историку народных религиозных представлений. **Актуальность** данного исследования заключается в том, что проблема логически необъяснимых причин в античном историописании до сих пор продолжает оставаться одной из важнейших в современном антиковедении.

Представления об изначальном предопределении, как в жизни отдельных людей, так и целых сообществ, было свойственно древним грекам, по всей видимости, еще с той поры, когда их племена впервые появились на Балканском полуострове и в Эгейском архипелаге. Во всяком случае, в обоих гомеровских поэмах, древнейшем источнике, повествующем о греческих обычаях, встречаются обозначения высшей воли богов, однажды назначенной и далее не терпящей никаких изменений. Эту заранее определенную богами человеческую участь можно узнать путем обращения к оракулам и гаданиям, но невозможно изменить. Сами боги не в силах изменить жребий своих любимцев и могут, самое большее, отсрочить его исполнение, как мы узнаем о том, например, из истории последнего лидийского царя Креза, рассказанной Геродотом в первой книге его истории. На принципе неизменности человеческого жребия построен весь гомеровский эпос, аттическая трагедия и ранняя ионийская историография.

Все сказанное выше нельзя, разумеется, рассматривать как искусственный литературный прием, специально созданный для придания желаемой драматической окраски поэтическому или прозаическому произведению. В действительности запечатленные в литературе представления о роли предопределения в человеческом существовании пришли туда из повседневной жизни греков. Глубина и широта распространения представлений о неизменной воле судьбы в народной жизни не поддаются учету, принимая во внимание характер и состояние дошедших античных источников.

Такое положение в сфере фольклорно-религиозных представлений заметно меняется во второй половине IV века до н.э. Изменение традиционных представлений в этой области было связано с широкими политическими и культурными инновациями, в свою очередь, тесно сопряженными с последствиями греко-македонской экспансии на Восток и созданием территориальных эллинистических монархий. Высокая степень динамизма политического развития эллинистической эпохи приводила к мысли о непрочности и переменчивости любого доступного человеку общественного положения, когда простой солдат мог стать эллинистическим монархом, а вчерашний правитель – оказаться на дне социальной жизни. Греческая история этого времени дает достаточно примеров подобной социальной мутации. Возрастает не только вертикальная, но и горизонтальная социальная мобильность, связанная с колоссальным расширением территорий

распространения эллинского языка и культуры, обогатившейся восточными влияниями. Стремление к культурному и религиозному синкретизму стало ключевым фактором эпохи эллинизма.

На фоне значительных культурных и религиозных изменений возникает и широко распространяется новое представление о божественном предопределении: это «судьба-случай» (*tyche*), имя существительное, связанное с корнем греческого глагола (*tynchano*), означающего верное попадание в цель (ср. его антоним «*apotychnano*» («не попадать в цель»)), или возникновение некоей непредвиденной заранее случайности. При выражении добрых пожеланий, например, в преамбулах декретов городских народных собраний классического и эллинистического времени, это существительное, поставленное в *dativus finalis*, в соединении с согласованным с ним прилагательным (*agathe tyche*) означало «да послужит к доброй судьбе». Адвербиальное употребление этого существительного в дательном падеже без сопровождения прилагательным означало «случайно». Гомеровская поэзия еще не знала слова «*tyche*», но широко употребляла глагол «*tynchano*», *coniunctivus aoristi active*, который, поставленный в третьем лице единственного числа, образует омонимическую форму с дательным падежом единственного числа существительного «*tyche*».

Существительное «*tyche*», употребление которого характерно еще для V-IV веков до н.э., как уже было замечено нами выше, значительно расширяется в эллинистический период (IV-I веков до н.э.). Это расширение употребления данного слова в повседневной жизни приводит к его проникновению в философские системы греков и, прежде всего, в учение стоиков. «Слово *tyche* является словом повседневного лексикона греков. <...> Это слово охотно употребляется как апеллятив, и оно никогда не теряло свою связь с глаголом *tynchanein*. Это слово являлось *vox media*. Оно могло одновременно означать как счастье, так и несчастье. *Tyche* означает то, что происходит, ход события и его изменения, т.е. означает Судьбу. <...> Путь приближения слова *tyche* к религиозному языку шел через возрастающее ослабление веры в могущество богов» [26, Sp. 1016].

Вхождение понятия случайности в религиозный обиход древних греков облегчалось еще и тем обстоятельством, что в хаотически устроенном божественном мире греков управление судьбой не было вручено отдельным божествам. Греки апеллировали к коллективному понятию «боги», и еще чаще – к абстрактному понятию «божественного» или «демонического». Если в таких случаях встречается имя Зевса, то это никоим образом не меняет сути дела [19, S. 200].

Впрочем, существование культа *tyche* в эллинском пантеоне не означало его широкого распространения. Абстрактный характер этого понятия серьезно мешал созданию антропоморфной ипостаси и надделению такой ипостаси мифологической историей, хотя такие попытки наблюдались. Так, у Гесиода *tyche* выступает в качестве персоны – дочери Океана (*Theog. v. 360*). У Пиндара (*Ol. XII, 1*) *tyche* уже становится дочерью Зевса. Гомер в обеих своих поэмах, как уже было сказано выше, не обнаруживает знания этого божественного персонажа.

Обычно *tyche* становилось аппликацией какого-либо женского божества. Развитие происходит здесь по той же схеме, как в случае с эквивалентным греческой *tyche* римским понятием *Fortuna* или *Fors Fortuna* (корневое существительное от глагола «*ferre*» (нести)) в римской религиозной практике, с учетом, разумеется, того, что римское понятие ощутило на себе сильное влияние эллинистического понятия *tyche* [17, S. 179; 32, S. 211]. В римской практике наблюдается ряд контаминаций понятия фортуны с каким-либо иным позитивным понятием, например, *Salus et Fortuna* (*Plaut. Asin 718; Capt. 864*). Один только раз Плавт говорит о дурной судьбе – *Mala Fortuna* (*Rud. 501*). Марк Порций Катон Старший говорит: «*Di immortales tribuno militum fortunam ex virtute eius dedere*» (*fr. 83*). / «Бессмертные боги дали военному трибуну судьбу в соответствии с его доблестью». В архаических текстах сочетание «*Fors Fortuna*» означает счастье. У Пакувия фортуна представлена стоящей на вращающемся каменном шаре, что явно является греческим влиянием [27, p. 144].

Необходимо отметить, что в римском менталитете, в отличие от греческого понимания *tyche*, «фортуна» имела сугубо специализированный характер, например, определенный вид деятельности, определенное время деятельности, определенную социальную группу, производящую то или иное действие. Наиболее ярко это отразилось в образе «*Fortuna huiusque diei*» (Фортуна сего дня) у Цицерона (*de legibus II, 28*).

Сфера народного употребления слова *tyche* дала толчок не только для развития религиозной, но также и философской сферы. Появляются специальные трактаты под стандартным названием «*Peri tes tyches*» (О судьбе – случае). Трактат под таким названием принадлежал перу Деметрия Фалерского, к которому, возможно, относится афоризм о том, что слеп не только Плутос (Бог богатства), но и сама *Tyche*, служащая поводырем Плутосу [19, S. 204]. Трактат с таким же названием принадлежал авторству философа-стоика Сфера Борисфениского (*SVF I 620 = Diog. Laert VII 177*). Следует заметить, что тема определенной и неопределимой судьбы-случая весьма привлекала к себе адептов Древней Стои. Мы не будем здесь касаться традиционных обозначений определенной судьбы, взятых на вооружение стоиками. Мы коснемся лишь тех контекстов, в которых стоики говорят о «неопределимой предопределенности» – *tyche*. Предлагая термин «неопределимой предопределенности», мы понимаем, с одной стороны, его несколько необычный характер, а с другой стороны, его точное соответствие тому, что сами древние греки вкладывали в это религиозно-философское понятие.

Даже поверхностный просмотр томов корпус «*Stoicorum Veterum Fragmenta*» Ганса фон Арнима показывает, что традиционным понятием предопределенной богами судьбы стоики уделяли не меньше внимания, нежели «судьбе-случаю». Суть воззрения стоиков на традиционные формы понимания судьбы в сущности сводилась к распространенному афоризму: «*Volentem fata ducunt, nolentem trachunt*». Стоический мудрец должен был осознать волю назначенной ему судьбы, поскольку она воплощает высказанную волю богов, и следовать

ей без сопротивления. Что же касается *tyche*, то для стоиков она существовала, словно отдельно от воли богов, проявляла свою силу неожиданно и внезапно, и угадать наперед ее проявления было невозможно. Не вызывает сомнений, что на эту область стоического учения оказали сильное влияние народные представления.

Рассмотрим наиболее интересные пассажи, касающиеся понимания стоиками «неопределимой предопределенности», представленные в корпусе Г. фон Арнима [8]. Необходимо заметить, что все эти свидетельства являются поздними и принадлежат времени Римской империи.

Симпликий в своем комментарии на «Физику» Аристотеля говорит: «Но некоторые из них соглашаются с тем, что существует *tyche* и что она является причиной (*aitia*). Но что она из себя представляет, они сказать не могут, считая *tyche* вещью, неясной для человеческого разума. Они говорят, что *tyche* божественна, и по этой причине она превосходит способности человеческого познания, подобно утверждениям стоиков» (Simpl. In Arist Phys. P. 333 Diels = SVF II 965) (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Т.). Из контекста видно, что высказывание принадлежит философам, отличным от стоиков. В то же время содержание этого высказывания является тождественным стоическим взглядам по этому вопросу.

Аэций говорит: «Анаксагор и стоики называют *tyche* причиной, неясной для человеческого разума. Ибо одни события, по их мнению, происходят под влиянием неизбежности (*ananke*), другие – по предреченной судьбе (*heimarmene*), третьи – по свободному выбору человека (*proairesis*), четвертые вызваны “судьбой-случаем” (*tyche*), а пятые происходят сами собой (*to automaton*)» (Aetius Plac. I 29, 7 = SVF II 966). Следует заметить, что четвертый и пятый пункты этого перечисления практически совпадают. У Полибия, например, два последних понятия являются синонимами.

Сервий в своем комментарии на восьмую книгу Энеиды Вергилия к стиху 334 “*Fortuna omnipotens et ineluctabile fatum*” («Всемогущая фортуна и неодолимый рок») замечает следующее: «Вергилий высказывается в духе стоиков, которые рождение и смерть отдают року, а все, что лежит между ними, – фортуна. Ибо все, что касается человеческой жизни, носит неопределенный характер. По этой причине Вергилий и соединил вместе и то, и другое, чтобы по возможности полнее показать стоическое учение. Ведь нет ничего в большей степени противоположного року, нежели случай, но Вергилий высказался в соответствии с учением стоиков». / “*Secundum stoicos locutus est, qui nasci et mori fatis dant. Nam vitae humanae incerta sunt omnia. Unde et miscuit, ut quasi plenum ostenderet dogma. Nam nihil tam contrarium est fato, quam casus; sed secundum stoicos dixit*” (SVF II 972).

Во всех приведенных выше пассажах подчеркивается неопределенный характер «неопределимой предопределенности» и невозможность постижения ее человеческим разумом. Два следующих пассажа говорят нам о надлежащем отношении философа к «неопределимой предопределенности». Пассаж из комментария Сервия показывает, как отчетливо сами древние понимали противоречие между априорной определенностью и предельной неопределенностью и, тем не менее, старались соединить то и другое в рамках завершенной логической системы. Как мы увидим ниже, такой подход не был чужд и Полибию.

Неоплатоник Прокл в своем комментарии на платоновского «Тимея» (р 61 В): «Стоики считают, что хороший муж несколько не зависит от власти *tyche*. Точно также считал Платон» (SVF III 52).

Оратор IV века н.э. Фемистий, по всей видимости, следуя за стоиками, высказывается сходным образом: «Мудрец непобедим для *tyche*, не подвержен рабству, неустрашим и нечувствителен к страданиям» (Themistius or. 32, p. 358 = SVF I 449). В умении стойко переносить все превратности «судьбы-случая» Полибий видел главный урок, который внимательное чтение исторического произведения может преподнести читателям. События истории не могут повторяться, но появление более или менее сходных ситуаций возможно и даже закономерно. Поэтому извлеченный из истории опыт нацелен, прежде всего, на то, чтобы обрести силы отражать удары судьбы.

Кратко рассмотрим систему причинно-следственных связей, на основании которой Полибий строит свой исторический анализ. Здесь мы оставим в стороне историю развития этой системы у предшественников Полибия – Геродота и Фукидида, рассмотренную нами в другой работе [7, с. 16-17].

Разработка Полибием системы причинно-следственных связей является, по общему мнению исследователей, важнейшим достижением его метода историописания. Результаты своего метода Полибий использует, прежде всего, при анализе многочисленных военных конфликтов, изложением которых наполнены многие сотни страниц его «Всеобщей истории».

Учитывая, что все произведение Полибия в том объеме, в каком оно сохранилось до нашего времени, состоит из четырех тематических разделов, а именно военно-политической истории, связанных с нею обширных географических экскурсов, анализа политического устройства отдельных государств (например, Ахейского и Этолийского союзов, Карфагена и, главным образом, Рима) и методологических размышлений, непосредственно связанных с тремя вышеназванными разделами, не может вызывать сомнений, что именно последний раздел представляет особый интерес, поскольку является завершающим этапом развития греческого историописания. Последующие античные историки, такие, как греки Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский и римляне Тит Ливий и даже Корнелий Тацит, будут находиться под сильнейшим влиянием исторической теории Полибия [2; 6].

Как уже было сказано выше, Полибий применяет свой метод причинно-следственных связей прежде всего при описании военных конфликтов. Метод этот сформулирован автором дважды (III 6; XXII 18, 6). Оба упомянутых пассажа предшествуют изложению военных конфликтов – Второй Пунийской войне и войне римлян против македонского царя Персея.

Метод является трехчастным и состоит из причины войны (*aitia*), предлога или повода к войне (*prophasis*) и собственно начала военных действий (*arche*). Изложение Полибием своего метода носит подчеркнуто полемический характер. Автор упрекает своих предшественников, не приводя читателю их имен, в том, что они, употребляя эти термины для обозначения цепочки причинно-следственных связей, не понимая их внутреннего содержания, путают их и смешивают между собой. Все это ведет, по мнению Полибия, к неверному объединению событий и превратному их объяснению. Главный знаток полибиевского текста XX века Уолбенк сделал тонкое замечание о том, что система Полибия не является до конца целостной и последовательной, поскольку ни один из включенных в нее элементов не содержит в себе акт решения начать войну, а именно элемент, который логически должен следовать за причиной, но предшествовать поводу к войне и ее началу [31, р. 305-306].

При этом Полибий неизбежно наталкивался на факты и события, объяснить которые с помощью им же разработанной системы было затруднительно или просто невозможно. С этими сложностями он борется двумя способами. С одной стороны, Полибий считает бесперспективным и излишним доискиваться корней непосредственных причин, иными словами, отыскивать причины причин. С другой стороны, гораздо чаще он прибегает к иррациональному, не поддающемуся учету и прогнозу понятию «судьбы-случая» (*tyche*), которую мы в данной работе назвали «неопределимой предопределенностью».

Полибий использует понятие судьбы сразу в нескольких целях. Историк отчетливо понимал, что всякое рациональное познание имеет свои пределы, которые оно не в силах преодолеть. По этой причине Полибий использует слово *tyche* как своеобразную этикетку для обозначения всего того, что не поддается логическому осмыслению и находится, таким образом, за пределами познавательных возможностей человека. Однако Полибий критикует тех, кто склонны приписывать действию *tyche* все происходящие в мире явления (I 63, 9; II 38, 5; X 5, 8; XVIII 28, 5; XXXVI 17).

Полибий, принимая принцип непознаваемости *tyche*, придает ему терминологическое значение. Он использует это понятие во всех случаях, не поддающихся логическому объяснению. Во всех остальных случаях Полибий, отбрасывая понятие «неопределимой предопределенности», требует поиска рационального объяснения происходящих событий. В таком подходе Полибия мы склонны усматривать развитие традиционного взгляда в рациональном ключе. В этом метод Полибия имеет сходство с позицией Сократа, который осуждал людей, обращающихся к оракулам в тех случаях, когда решение проблемы лежит исключительно в сфере человеческих действий (Хен. Мет. I 7-9). Метод приписывания большинства событий действию *tyche*, как, по всей видимости, делало большинство из его современников, с которыми он полемизирует, не мог удовлетворить взыскательный вкус ахейского историка, поскольку такой подход в корне противоречил задачам прагматической истории, целью которой было объяснить непонятное и научить читателя правильно действовать в сходных условиях реальной жизни. Достичь этой цели можно было только на путях логического анализа событий и мотивов людей, творящих историю. Против безоглядной апелляции к «неопределимой определенности» Полибий последовательно борется в разных частях своего сочинения (I 63, 9; II 38, 5; X 5, 8; XVIII 25, 5; XXXVI 17).

Несмотря на все свое новаторство, Полибий остается приверженцем традиции. С одной стороны, он использует слово *tyche* для объяснения не поддающихся логическому объяснению причин исторического развития. С другой стороны, Полибий понимает *tyche* как некую высшую силу, которая правит миром и почти целиком подчинила его римскому владычеству (I 1, 4) и руками римлян наказала несправедливости сирийского царя Антиоха III и македонского царя Филиппа V (XV 20, 5-8). Казалось бы, для задач прагматической истории Полибию было выгодно максимально сузить сферу необъяснимых явлений, для обозначения которых он пользуется понятием *tyche*, и как можно более расширить сферу применения своего причинно-следственного метода. Несмотря на это, Полибий расширяет сферу деятельности *tyche* в истории с одной лишь целью сделать ее, как владычицу мира, виновницей побед римского оружия и подчинения эллинских государств римлянам. Не своим бесспорным военным и государственным превосходством добились римляне полной гегемонии в Средиземноморье – это сама неподдающаяся постижению человеческого разума *Tyche* подарила им победу. Такая позиция позволяла Полибию вывести вопрос о причинах римского превосходства из сферы войны и политики и перенести его в сферу религиозно-философской абстракции.

«Чем глубже Полибий стремился познать причины исторических событий, тем в большей степени ему, нежели другим историкам, навязывало себя участие в истории иррационального начала, непознаваемого как для самих участников событий, так и для позднейших наблюдателей. Полибий дал этому иррациональному началу имя “*Tyche*”, в то время как у более ранних историков не имелось для него твердо закрепленного названия. “*Tyche*” используется у Полибия в большинстве подобных случаев, что вполне естественно для людей второго столетия до н.э. с их распространенной верой в случайный характер судьбы» [34, Sp. 1492].

Взгляд на судьбу как устроительницу человеческой истории отнюдь не был новшеством, введенным Полибием. Надо думать, что семнадцать лет его пленения, проведенные в Риме, не пропали даром с точки зрения изучения римских нравов. Дело в том, что римляне придавали исключительное значение участию фортуны в делах людей и считали, что ее вмешательство увеличивает значение обретенного успеха. Так, например, Луций Корнелий Сулла подчеркнуто приписывал все свои успехи вмешательству судьбы, что должно было означать особое в глазах современников расположение к нему высших сил. Представления греков в этом вопросе коренным образом отличались от римских представлений. Греки стремились подчеркнуть свои личные успехи, даже если они были достигнуты вопреки воле богов. Так, например, афинский полководец Тимофей решительно отрицал участие *tyche* в одержанных им победах (Plut. Herod. Malign. 7; Sulla 6, 4-7). Поскольку наш

историк относит победу римлян, одержанную над греками, к лучшим деяниям *tyche* (I 4, 1), то можно предположить, что в подобных местах своего сочинения он придерживался в вопросе о судьбе римских представлений.

Двойственность подхода Полибия к рассмотрению данной проблемы породила длительную дискуссию, начало которой было положено в середине XIX столетия. Мы не будем здесь излагать существующие точки зрения исследователей. Достаточно подробное рассмотрение высказанных исследователями на этот счет мнений было дано нами ранее в другой работе [7, с. 16-21]. В данном случае интерес для нас представляет решение вопроса о том, из какого источника почерпнул Полибий столь вдохновившую его идею объяснения непонятных человеческому разуму вещей и событий, а именно из «стоической вульгаты» или из распространенных религиозно-бытовых представлений, господствовавших в народной среде.

Со времени выхода в свет работы Рудольфа фон Скалы в науке утвердилось и по сей день господствует представление об ученической зависимости Полибия от стоического учения, которое он якобы получил из единственного источника – от стоика Панеция, долго жившего в Риме, участника просветительского общества Сципиона Эмилиана. «С уверенностью можно сказать, пишет Скала, что из круга идей средней Стои, главным представителем которой был Панеций, вышли истоки Полибия» [28, S. 249]. Р. Скала считал, что Полибий, которого он рассматривал исключительно как солдата, не был способен к самостоятельному построению философских идей. «Соображение, что широкое философское образование, глубокая переработка ранних философских идей не встречается нигде в сочинении Полибия, кроме его шестой книги, является достаточным основанием для того, чтобы отрицать за солдатом Полибием свободное творение государственной теории, исполненной стоического духа и использующей в свободной переработке платоновские и аристотелевские мысли. <...> Стоическая школа является, таким образом, настоящей гаванью, в которую входит философское суденышко Полибия. В философских, но простых готовых формулах находит он много из того, что уже дал ему его собственный жизненный опыт» [Ibidem, S. 253].

Скала выделяет в тексте Полибия ряд пассажей, которые, как он считает, носят ярко выраженный стоический характер. К таким пассажирам Скала относит места, в которых речь идет об опыте как источнике моральных понятий, о религии как необходимом сдерживающем факторе, об оправдании самоубийства как средства избежать неприемлемых условий для дальнейшего существования человека. Однако при более пристальном рассмотрении приводимых Скалой мест большинство из них оказываются отнюдь не исключительно «стоическими». Так, например, мысль о том, что благом является как сознательно устанавливаемый предел человеческого познания, так и сопротивление природы неограниченному познанию, не является исключительно стоической, поскольку ее полностью разделяет эпикуреец Гораций (*res fas est scire omnia* – *Car.* IV 4, 22). В целом, книга Р. Скалы сильна своим широким подбором материала, но слабость ее заключается в тех выводах, которые автор делает на основании этого самого материала.

Тем не менее идея Скалы об определяющем влиянии на Полибия стоической философии была подхвачена и нашла широкое распространение. Наиболее ревностными последователями мысли Р. Скалы стали Фридрих Лео и Эдуард Корнеманн [15, S. 180-181; 18, S. 316].

Негативная реакция на идеи Р. Скалы возникла в XX веке и в полной мере представлена в работах Курта фон Фрица и Поля Педека [11, p. 195; 20, p. 253]. Нам нет нужды глубоко входить в дискуссию о философской принадлежности Полибия. Окончательное решение этого вопроса едва ли возможно, если учесть фрагментарное состояние труда ахейского историка.

Ранее мы уже сделали попытку доказать, что в тексте Полибия можно обнаружить следы латентной полемики с учением стоиков [1, с. 161-162]. Кроме того, вызывает сомнение интерпретация ряда высказываний Полибия как непременно отмеченных печатью стоицизма. Однако стоик Панеций, которому, со времени публикации исследования Р. Фон Скалы, отводилась роль философского наставника Полибия, был намного моложе своего «ученика» и потому вряд ли мог в действительности быть мистагогом Полибия в таинства стоицизма.

Ни в коей мере не претендуя на вынесение окончательного решения в вопросе об источниках, из которых Полибий заимствовал и ввел в широкий оборот на страницах своего сочинения понятия «неопределимой предопределенности», осмелимся высказать наше предположение о заимствовании историком этого понятия из широко распространенных народных представлений, из которых его заимствовали также и сами стоики. При этом необходимо также учитывать незначительную сферу применимости термина «неопределимой предопределенности» у стоиков. Доказательство этой тезы составляло цель и задачу нашего исследования.

Список источников

1. **Тыжов А. Я.** Был ли Полибий приверженцем определенной философской школы? // *MOUSEION: профессору А. И. Зайцеву ко дню 70-летия: сборник статей.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 155-164.
2. **Тыжов А. Я.** Дионисий Галикарнасский и теория смешанного государственного устройства Полибия // *Античный мир. Проблемы истории и культуры: сборник научных статей к 65-летию Э. Д. Фролова / под ред. И. Я. Фроянова.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 270-279.
3. **Тыжов А. Я.** Истоки политической теории Полибия // *Античное общество: проблемы истории и культуры: тезисы докладов научной конференции (9-11 марта 1995 г.).* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
4. **Тыжов А. Я.** К вопросу о философской принадлежности историка Полибия // *Альманах современной науки и образования.* 2016. № 1 (103). С. 95-98.
5. **Тыжов А. Я.** Полибий и его «Всеобщая история» // *Полибий. Всеобщая история в сорока книгах: в 3-х т. / пер. И. Г. Мищенко; отв. ред. А. Я. Тыжов. Изд-е 2-е, испр.* СПб.: Наука, 2005. Т. 1. С. 5-33.

6. **Тыжов А. Я.** Черты политической теории Полибия // Античное общество. Проблемы политической истории: межвуз. сб. / под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 71-84.
7. **Тыжов А. Я.** Элементы теории в историописании Полибия (понятия причины и судьбы) // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1988. Вып. 4. С. 14-23.
8. **Arnim J. ab.** Stoicorum Veterum Fragmenta: Vol. I-III. Lipsiae: B. G. Teubner, 1903. Vol. I. XLIII+141 p.; 1904. Vol. II. IV+348 p.; 1905. Vol. III. IV+269 p.
9. **Catonic M.** Praeter librum de re rustica quae extant / rec. H. Jordan. Lipsiae: B. G. Teubner, 1860. CIX+135 p.
10. **Cicero M. T.** Staatstheoretische Schriften lateinisch und deutsch von K. Ziegler. 2. Aufl. Berlin: Akademie – Verlag, 1979. 362 S.
11. **Fritz K. von.** The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity: A Critical Analysis of Polybius Political Ideal. N. Y.: Columbia University Press, 1956. 490 p.
12. **Hesiodi quae feruntur carmina** / rec. Ioh Flach. Lipsiae: B. G. Teubner, 1891. IX+94 p.
13. **Hirzel R.** Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften: in 2 Bänden. Leipzig: B. G. Teubner, 1882. Bd. II. 556 S.
14. **Horati Flacci Q.** Opera / rec. E. C. Wickham. Oxonii e typographeo Clarendoniano, 1912.
15. **Kornemann E.** Zum Staatsrecht des Polybios // Philologus. Zeitschrift für klassische Altertum und sein Nachleben. Leipzig: Dieterich, 1931. Bd. 86. S. 169-184.
16. **La-Roche P.** Charakteristik des Polybios. Leipzig: B. G. Teubner, 1857. 104 S.
17. **Latte K.** Römische Religionsgeschichte. München: G. H. Beck, 1960. XIII+429 S.
18. **Leo F.** Geschichte der römischen Literatur. Berlin: Weidmann, 1913. Bd. I. IV+496 S.
19. **Nilsson M. P.** Geschichte der griechischen Religion: in 2 Bänden. 2. Aufl. München: G. H. Beck, 1961. Bd. II. Die hellenistische und Römische Zeit. XX+745 S.
20. **Pédech P.** La methode historique de Polybe. P.: Les Belles Letres, 1964. 644 p.
21. **Pindari carmina cum fragmentis:** partes I-II / post B. Snell; ed. H. Maehler. Lipsiae: B. G. Teubner, 1980. Pars I. Epinicia. VII+193 p.
22. **Plauti T. M.** Comoediae / rec. W. M. Lindsay. Oxonii e typographeo Clarendoniano, 1953. Vol. 1-2.
23. **Plutarchi.** Vitae parallelae: in VII vols. / rec. K. Ziegler. Lipsiae: B. G. Teubner, 1973. Vol. III. Fasc. 2. XXVI+405 p.
24. **Plutarchi Chaeronensi Moralia:** in V vols. / rec. Greg. N. Bernardakis. Lipsiae: B. G. Teubner, 1893. Vol. V. 499 p.
25. **Polybius.** Historiae: in IV vols. / edidit Th. Büttner-Wobst. Stuttgartiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1964. Vol. I. L+359 p.; 1965. Vol. II. CXXI+380 p.; 1965. Vol. III. XXIV+429 p.; 1985. Vol. IV. LVI+552 p.
26. **Pötscher W.** Tyche 1 // Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike: in fünf Bänden. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975. Bd. 5.
27. **Ribbeck O.** Tragicorum Romanorum fragmenta. Lipsiae: B. G. Teubner, 1897. VIII+335 p.
28. **Scala R. von.** Die Studien des Polybios. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1890. Bd. I. XVI+344 S.
29. **Siegfried W.** Studien zur geschichtliche Anschauung des Polybios. Leipzig: B. G. Teubner, 1928. 106 S.
30. **Susemil F.** Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit: in 2 Bänden. Leipzig: B. G. Teubner, 1891. Bd. II. 771 S.
31. **Walbank F. W.** A historical commentary on Polybius: in III vols. Oxford: Clarendon Press, 1970. Vol. I. XXVII+776 p.
32. **Wissowa G.** Religion und Kults der Römer. München: G. H. Beck, 1902. XII+534 S.
33. **Xenophontis opera omnia:** in V vols. / rec. E. C. Marchant ed. altera. Oxonii e typographeo Clarendoniano, 1971. Tom II.
34. **Zeigler K.** Polybios I // Pauly A. F. Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft: in XCVI Bänden. Stuttgart: J. B. Metzlerscher Verlag, 1952. Bd. XXI. 2. Halbbd. 42: Polemon bis Pontanene. Sp. 1440-1578.

Stoic “Indeterminable Determination” as a Link in the Chain of Cause-and-Effect Relations in Polybius’ “Histories”

Tyzhov Andrei Yakovlevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg University
firenze1449@yandex.ru

The article presents results of the author's research dedicated to certain issues of the Stoic philosophy and creative work of the Greek historian of the II century BC, Polybius from Megalopolis, the author of 40-volume “Histories”, which cover the period of the Greek and Roman history from 222 to 146 BC. The paper identifies to what extent Polybius was influenced by popular religious beliefs and by the Stoic doctrine in relation to the irrational notion Tyche, which in the context of Polybius' work is defined as “indeterminable determination”. As a result the author proves that Polybius was mostly influenced by popular religious beliefs, since the Tyche notion wasn't commonly used in the Stoic philosophy.

Key words and phrases: Polybius; “Histories”; cause-and-effect relations; “indeterminable determination”; randomness and regularity of historical events; fate-chance.